

АВТОР
ЮДЗИ ЮДЗИ

18+

ХУДОЖНИК
ИЛЛЮСТРАЦИИ

НАМИ
ХИДАКА

Я ВЫЖИВУ
на сотый
раз

КНИГА 1

Юдзи Юдзи

Я выживу на сотый раз. Книга 1

Серия «Аниме Вайб: Любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73779923

ISBN 978-5-17-175660-4

Аннотация

Герцогскую дочь Альфину несправедливо обвиняют в заговоре против любимицы империи, Святой Дэбонэи, и приговаривают к казни. Каждый раз после ее смерти время обращается вспять, но исход остается неизменным: девушку ведут на гильотину. Девяносто девять раз подряд Альфина переживает одно и то же наказание за преступление, которого не совершала.

В сотый раз все меняется. Ожидая очередного приговора, Альфина обнаруживает в себе способность слышать истинные чувства окружающих и с удивлением узнает, что те, кого она считала врагами, на самом деле ее просто обожают. Даже красавец-принц, всегда смотревший на Альфину свысока, втайне от нее без ума. Сумеет ли она воспользоваться этим даром и наконец вырваться из замкнутого круга?

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Юдзи Юдзи

Я выживу на сотый раз

Книга 1

The 100th Time's the Charm: She Was Executed 99 Times,
So How Did She Unlock «Super Love» Mode?!

© 2022 Yuji Yuji

© 2022 Drecom Co.,LtdIllustration by Nami Hidaka

© А. О. Бакина, перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

– Герцогская дочь, госпожа Альфина! Вы приговариваетесь к казни через обезглавливание!

– Хэй! Пум-приветик!¹

– ... Что?

До боли знакомая сцена суда.

Альфина произнесла это на глазах у блистательных аристократов, собравшихся посмотреть на казнь. Первый принц империи – Лайонэтто Лайон – бросил на нее холодный взгляд. Когда-то этот мужчина был ее женихом. Его голубые глаза, пленяющие сердца юных дам по всей стране, теперь устремились на Альфину в кандалах.

– Ты стоишь на пороге смерти. Осознаешь ли ты, в каком положении находишься?

– О, еще как осознаю. Лучше любого из присутствующих.

«Это ведь девяносто девятый раз, когда меня приговаривают. Тут уж волей-неволей привыкнешь, не правда ли?» – усмехнулась про себя Альфина.

Арест по ложному обвинению, выдвинутому Святой, разорванная помолвка... и вот уже в девяносто девятый раз она приговорена к смертной казни. Жизнь снова и снова от-

¹ Ономатопоэя (*яп.* ###) – имитирует легкий внезапный звук, часто ассоциируемый с чем-то падающим или появляющимся, подобно «пупф» в русском языке. В данном контексте ### – приветствие (#####).

матывалась назад, вынуждая ее переживать одну и ту же сцену.

«Первые тридцать раз или около того я еще надеялась выжить и испробовала все возможное. Пыталась сбежать и, расправив шторы, словно белка-летяга, прыгнула с вершины башни, где меня держали взаперти. Упала с криком „А-а-а!“ и разбилась. Или, например, выкрала боевого коня из конюшни и всю ночь мчалась к границе, однако меня сбросило с седла, и с воплем „Хья-я-я!“ я погибла. Но было весело.

На двадцать седьмой раз устроила настоящий переполох на месте казни. Тогда замок на кандалах оказался сломан, и я с легкостью сняла их и попыталась сбежать буквально за миг до того, как меня должны были уложить на гильотину. Отобрала серебряный посох у лысого министра, который упал в обморок с пеной у рта, и учинила драку, как какая-нибудь разбойница. Да что там! Пнула гроб, приготовленный для меня, со словами: „Прочь с дороги!“ Но это было уже слишком. Позже я подумала: „Может, моя помолвка была бы расторгнута даже без появления Святой?“

Что бы я ни делала, сколько бы ни билась, меня все равно ждало одно: смерть. До пятидесятого раза я еще плакала и убивалась, и теперь все это кажется таким далеким. Пришлось смириться. Наверное, такова моя судьба.

После семидесятого раза я увлеклась игрой: как сделать эту, казалось бы, трагическую сцену казни забавной? Было бы здорово хоть раз заставить этих знатных зрителей пока-

титься со смеху. Если не вытворить что-то подобное, можно помереть от скуки!

Кстати, в прошлый раз я выдала: „Прыг-скок, привет!“ – и подмигнула для пущего эффекта. В результате моя и без того больная матушка рухнула в обморок. Так что на этот раз я решила слегка умерить пыл. Задумка была такова: обыграть этот „пум“ с тем звуком, с которым у меня полетит голова. Однако его высочество, кажется, юмора не оценил. Не скажу, что он плохой человек, но я совсем не понимаю, что у него на уме».

Альфина смотрела на мужчину, который когда-то был ее однокурсником в академии и по совместительству женихом. Золотистые волосы сияли на фоне фарфорово-белой кожи. Холодные, словно лед, голубые глаза таили в себе какую-то опасность. Стройное, изящное тело напоминало церемониальную рапиру² – не зря его прозвали Золотым Драгоценным Клинком. Если бы он улыбнулся, пусть и едва заметно, сама богиня красоты Дитэ³ залилась бы румянцем.

Лайонэтто ни на мгновение не смягчил выражения своего белоснежного лица. Даже Альфина, знавшая его еще со времен учебы в академии, могла вспомнить лишь один случай, когда он ей улыбнулся. Люди за спиной называли его Хладнокровным Принцем, но казалось, что по отношению к ней

² В оригинале упомянута ##### (яп.), церемониальная рапира, символизирующая изящество и острогу.

³ Имя ##### (яп.) отсылает к богине красоты – вероятно, аналогу Афродиты.

он был особенно холоден.

Может, бремя будущего правителя великой империи Лай-он вынуждает его быть таким отстраненным? Или он просто так сильно ее недолюбливает?

– Несмотря на то что ты находилась в статусе моей невесты, – сказал он, – движимая ревностью, ты вступила в сговор с принцем соседнего государства и попыталась навредить Святой, ниспосланной великим богом Дзэносом⁴. Искуп свои грехи смертью.

Она могла бы сказать: «Я ни в чем не виновата!» – но это бесполезно, она уже не раз в этом убеждалась. Ровно год назад в стране появилась Святая – Дэбонэя Луа Лайтмист, посланница великого бога. Хрупкая красавица с волосами, будто сотканными из золотого тумана. Стройность сочеталась с пышными формами, магия света – с редким красноречием. Она покоряла сердца мужчин по всей стране. Ее удочерил граф Лайтмист, один из самых влиятельных аристократов, и на балах она сияла так, что даже сердце принца Лайонэтто оказалось у ее ног.

Чем больше люди обожали Святую, тем сильнее ненавидели Альфину. Имперские подданные наперебой твердили:

– С одной стороны – скромная и прелестная Святая, с другой – грубая и лишенная обаяния дочь герцога.

– Эта белокурая Святая рядом с очаровательным золото-

⁴ Термин ##### (яп.) обозначает великого бога, центрального во Вселенной. Вероятно, отсылка к греческому богу Зевсу.

волосым принцем – самая подходящая кандидатура на роль императрицы.

– А той дерзкой и язвительной особе не место рядом с будущим императором!

«Да-да, знаю, я грубая и ужасная. Простите великодушно! Ну конечно, обаяния мне не занимать, правда? Я сама лучше всех понимаю: во мне нет ни капли женственности. Хотела бы я быть другой, но у меня не выходит».

Два года назад, когда принц отправился на север усмирять варваров, все было так же. Тогда девушки преподносили изысканные дары:

– Я дарю его высочеству букет гладиумов, выращенных нашим садовником. Это цветок победы!

– Это деликатес, приготовленный по моему приказу нашим шеф-поваром. Умоляю, примите!

После всех этих милых и заботливых жестов Альфина вручила ему... деревянный кулон с медвежонком, который вырезала сама.

– Говорят, северные варвары почитают медведя как божество гор, так что, может, они будут к вам снисходительны! – громко сказала она, вызвав смешки юных леди и неодобрительные взгляды знатных господ.

«Хороший ведь был медвежонок, такой милый...»

Лайонэтто лишь сухо бросил: «Принимаю». Она так ни разу и не увидела, чтобы он носил этот кулон. Наверняка выбросил его куда-нибудь. Для него Альфина была не более

чем формальностью – партией для политического брака. И даже от этой формальности он в итоге отказался.

«Трудно говорить наверняка, что будет после моей смерти, но, вероятно, титул невесты Лайонэтто перейдет к Святой».

Сама же Дэбонэя, та самая Святая, сейчас стоит позади под бдительным присмотром стражи. Она крепко сжимает белоснежный платок, глядя на Альфину с жалостью. Ее лицо искажено скорбью, будто она едва сдерживает слезы. А благородные господа, глядя на это, шепчутся:

– Подумать только, она жалеет женщину, что пыталась погубить ее!

– Истинная святая!

– О прекрасная Дэбонэя!

– Хотел бы я вытереть ваши слезы...

«Ага, вот только погубила меня! С тех пор как появилась Святая, меня окончательно записали в злодейки. Пошли нелепые слухи, будто я завидую отношениям принца и Святой и потому извожу ту всяческими кознями. Seriously, почему это я стала ее заклятым врагом? Неужто ей так хотелось занять место невесты принца? Так сказала бы прямо! Я бы с радостью уступила.»

На семьдесят седьмой жизни я даже попыталась поговорить с Дэбонэей напрямую: „Не желаете ли, я уступлю вам место невесты?“

Хрупкая Святая на миг замолчала, затем, натянув сму-

ценную улыбку, ответила: „Ох, Альфина, что за шутки! Что вы, что вы, у меня и в мыслях такого не было. Супругой принца Лайонэтто достойны стать только вы. Никто другой и рядом не стоит“.

Ну конечно, скажешь тоже! Теперь я чувствовала не злость, а растерянность. Что бы она ни замышляла сделать, после того как заполучит титул принцессы, все это будет уже после моей смерти. Пусть делает что хочет».

Лайонэтто равнодушно обратился к Альфине:

– Хочешь ли ты что-нибудь сказать, перед тем как отправиться в загробный мир?

– Ничего. Давайте уже *пумкните* поскорее.

– Беззаботна до последнего.

– В этом вся я. Вы, ваше высочество, и сами прекрасно это знаете, не так ли?

– ...Хм.

Толпа знатных господ, собравшаяся в надежде увидеть, как герцогская дочь будет молить о пощаде, была возмущена:

– Как она смеет так разговаривать с его высочеством?!

– Поглядите на эту наглость! Вот ее истинное лицо!

– Подумать страшно. Не появись Святая, эта женщина стала бы нашей императрицей!

Клевета и злословие вонзаются в спину, точно стрелы, но теперь они не больше комариного укуса. Плевать на чужие оценки и сплетни: в могилу их не унесешь. Только одно еще

имело значение. Только *он*.

– Карл... – тихо позвала Альфина младшего брата, рыжеволосого, как и она сама.

Он стоял в первом ряду вместе с родителями и молча наблюдал за происходящим. В этом году ему исполнится десять. Его прозрачные, будто стеклянные бусины, глаза смотрели прямо на сестру, ожидающую казни.

– Прости. Я обещала смеяться, гневаться и плакать за тебя, но не смогла сдержать слово.

На его юном лице не отразилось ни тени эмоций. Оставив чувства в утробе матери, он родился с могущественным магическим даром. Так говорили дворяне о Карле Мане Сильване – гениальном хладнокровном маге. Радость, гнев, печаль, удовольствие – этих эмоций у ее брата нет. Иногда он и вовсе почти не говорил. Альфина присматривала за ним по-своему, как умела. Ей так хотелось окружить его заботой, баловать без конца, но, боясь стать навязчивой, она держалась на расстоянии: обращалась с ним осторожно, но с любовью. Что думал об этом сам Карл, ей было неизвестно.

«Может, я и правда казалась ему навязчивой? Или он все-таки считал меня сестрой? Я так и не узнала».

Когда завершилось прощание с братом, вперед шагнул красивый юноша с синими волосами и в очках – Ашли Кислинг, выпускник той же академии, что и Альфина с Лайонэтто. Говорят, теперь он доверенное лицо принца. Сегодня Ашли исполнял роль секретаря, записывающего ход казни.

– Леди Альфина, все вышло как я предвидел. Еще в академии я был убежден, что ваше легкомыслие однажды погубит вас.

Он говорит одно и то же во всех девяноста девяти жизнях. Принц мог хоть иногда удивить, сказать что-то новое, но Кислинг всегда произносит одни и те же слова в точности до последней буквы. Никаких отклонений. Абсолютная неизменность. Иначе говоря, до тошноты серьезен. Образцовый ученик, который встает ни свет ни заря, составляет распорядок дня и радуется, если сумел его соблюсти. Альфина же, вечно опаздывавшая и нередко влезавшая в класс через окно, то и дело с ним ссорилась.

– В академии вы как-то сказали мне: «Не попробовать ли жить посвободнее?» – и вот к чему это привело! Ну и потеха! – язвит он.

В академии Альфина всегда находила что ответить, но теперь сил не было.

– Вот так вот, Кислинг. Это и есть результат того, что я жила по-своему: *пум*, и голова долой.

– Без сожалений, значит?

– Ни капли. Уж лучше так, чем умереть не собой.

– ... Что ж, до последнего вздоха верна себе.

Увидев, что Кислинг удалился, принц отдал холодный приказ:

– На гильотину ее.

Крепкие стражи схватили ее и грубо повели вверх по сту-

пеням. Она хотела было подмигнуть злобно глазющей толпе, но представила, как выглядит отрубленная голова с подмигивающим глазом, и передумала. Привязав девушку к гильотине, стражи отошли.

«Вот и все. Интересно, с какого момента начнется со-
тая жизнь?.. В тот самый миг, когда я закрыла глаза, передо мной возникло омерзительное лицо Святой: маска наконец-то сброшена, алые губы искривлены в гнусной ухмылке».

– ...Нет, ну серьезно!

Альфина испустила девяносто девятый вздох. Сколько бы раз это ни повторялось, как бы она ни готовилась, вот эта финальная ухмылка Святой все равно бесила невероятно!

* * *

Очнулась девушка на диване в гостиной.

– ...Мм...

С чувством, будто пробудилась от долгого сна, она приподняла голову и огляделась. В комнате была ее мать Мари и трое пожилых слуг. Знакомая мебель, алый ковер. На стене висел портрет Юринар – ее бабушки и великой волшебницы. Это была гостиная в доме герцога, где Альфина родилась и выросла.

«Сотый раз начинается дома, значит? Что ж, неплохо, неплохо. Прошлый раз начался сразу с домашнего ареста. Это было ужасно: голодала как собака. А ведь последние несколько жизней я пыталась побить рекорд: сколько сырных пирогов из уличных ларьков в Нижнем городе смогу съесть перед смертью? Как оказалось, нисколько».

В этот раз она надеялась осилить хотя бы пять пирогов. Повернувшись к матери, сидевшей на соседнем диване, она спросила:

– Матушка, какой сегодня день? Год, месяц, число?

Мать (такая же рыжеволосая) недоуменно заморгала.

– О, Альфина, что с тобой? Понимаю, ты расстроена, но неужели у тебя и память отшибло?

– Я совершенно спокойна. Мысли ясные.

– Сегодня 5 июля 845 года по Великому божественному календарю, десять часов вечера. Соберись. Если ты честно, без утайки, расскажешь его высочеству все, что у тебя на душе, он непременно тебя поймет.

– Пятое... июля?

Если память ей не изменяет, именно в этот день поступило распоряжение от Информационного бюро имперской армии: Альфине приказали оставаться дома. А затем...

Тук-тук! Грубый стук в дверь разнесся по комнате. В приемную торопливо вошла главная служанка средних лет.

– Г-госпожа! Его высочество... принц Лайонэтто!..

Вслед за ней в комнату шагнул сам принц, сопровождаемый солдатами с мечами на поясах. Он пронзил Альфину ледяным, словно мороз, взглядом голубых глаз.

– Ваше высочество, рада вас видеть. Чем обязана визиту? Желаете отужинать? Ларьки с сырными пирогами еще открыты.

Сказав это, она про себя добавила: «Ага... Значит, в этот раз все начинается *отсюда*».

Пятого июля 845 года, глубокой ночью, принц собственной персоной прибыл в особняк и арестовал Альфину. После этого ее заключили под стражу в одной из комнат дворца, где впоследствии без права на защиту приговорили к казни. Такой ход событий с незначительными вариациями повторялся все девяносто девять раз без исключения. Как ни бейся, в конце всегда ждет лишь «*пум*».

– Альфина Син Сильвана, ты арестована. Причину, думаю, называть излишне?

Голос его был холоден – словно покрыт инеем.

Поручив главной служанке заботу о матери, рухнувшей в обморок, Альфина кивнула.

– Как прикажете. Готова следовать за вами.

«Судя по всему, сотая жизнь тоже будет недолгой... Похоже, о сырных пирогах опять придется забыть. Однако в тот самый момент голос принца внезапно зазвучал прямо в моем сознании: „Моя Альфина, моя возлюбленная, не могла замыслить убийство Святой. Это ошибка! Это должно быть ошибкой! Ах, Аль! Моя Альфина!“

Что?.. Что это было?!»

* * *

От страстного голоса, звучавшего в голове, мои колени подкосились.

«Похоже, ты растеряна, Альфина. Уж не скрываешь ли что-то от меня? Нет, это не так. Она боится. Бедняжка... О, почему я должен так поступать с моей любимой Альфиной?! Аль!»

Холодные слова, сказанные принцем вслух, полностью противоречили отчаянным крикам его сердца. Даже привычное официальное «я» внутри сменилось на простое, доверительное.

Мать, бледная как полотно, шагнула вперед:

– Лайонэтто, что это за безумие? Почему вы арестовали мою дочь? О чем вы вообще говорите?!

Вместо принца ответил Кислинг, синеволоосый, в очках и с вечной надменностью:

– Герцогиня Сильвана, вашу дочь подозревают в сговоре с принцем соседнего королевства и покушении на Святую. Из ревности и страха потерять место невесты она задумала устранить соперницу. Право же, такой варварский замысел вполне в духе вашей дочери.

Мать вытаращила глаза от изумления. Разумеется, это была клевета. С тем принцем Альфина не встречалась с самого выпуска из академии – и уж тем более не замышляла убийства Святой. Девяносто девять жизней она твердила о своей невинности, но никто не слушал. Без суда ее приговаривал к казни отец Лайонэтто, император Тайга IV. И даже Кислинг, который когда-то был ее однокурсником, не верил девушке.

Однако сейчас до нее доносились совсем другие слова: «Леди Альфина никогда бы не замыслила столь подлое убийство!» – «Она всегда действует открыто и честно, что бы ни случилось!» – «Подлость – это скорее в духе самой Святой...» – «Почему же его величество и его высочество решились на столь опрометчивый шаг?!».

Альфина была в полном замешательстве. И принц, и Кислинг вслух говорили одно, а думали прямо противополож-

ное. Почему они вели себя так противоречиво?

«Нет-нет. Соберись, Альфина. Неважно, что в предыдущие разы такого не происходило – кончится-то все равно тем же самым».

Как бы ее ни обвиняли, она поклялась себе никогда не поступаться своей гордостью, стоять прямо, без вины и без страха. Девяносто девять жизней научили ее этому.

«Что ж, будь по-вашему!»

С дерзкой улыбкой она выпрямилась и, с вызовом глядя на принца, ударила себя в грудь.

– Я, Альфина Син Сильвана, не побегу и не спрячусь! Хотите суда? Прошу, судите хоть перед его величеством, хоть перед самим Дзэносом! Я готова!

«Давайте, посмотрите на меня своим холодным взглядом, ваше высочество. Не сдерживай свою обычную злобу, Кислинг! Назови меня наглой, осыпай проклятиями!»

Но вместо этого в ее сознании раздались «голоса» их сердец: «Прекрасна...» – «Благородна...».

«Что?!»

«Пылающие рыжие волосы, страстная душа! Только Альфина достойна быть моей невестой, и никто иной! О Альфина!»

«Какая величественная осанка! То же благородство и чистота души, что и в студенческие годы! Ни капли не изменилась! Ох, я не могу!..»

«Э-э-э... Это что, серьезно? Что происходит? Я схожу с

ума?»

* * *

Альфину доставили во дворец и заключили на вершине ветхой башни, затерянной в уголке большого сада. Комната была убогой, с единственным маленьким окном. Не подземелье – и на том спасибо, уступка ее положению. Все происходило так же, как и девяносто девять жизней подряд – за исключением того, что теперь в ее голове звучали мысли следивших за ней стражников. «Что? Чтобы госпожа Альфина – и убила Святую? Да это же нелепость!» – «Она единственная, кто по-доброму говорит даже с нами, простыми солдатами!» – «Совсем спятили? Если кого и надо хватать, так это заносчивую Святую!».

И этими мыслями, подумать только, были заняты те же люди, которые потом силой потащат ее к палачу. Она всегда считала, что их жестокость – признак ненависти, однако, похоже, истина была совершенно иной.

«Что же это творится?»

Умерев девяносто девять раз, Альфина была уверена, что ее уже ничем не удивить. Ей и правда было не привыкать к внезапным поворотам судьбы: например, однажды на пути к эшафоту у кареты отвалилось колесо – и, рухнув в реку, она утонула. Но это...

«Так, успокойся. Дыши, Альфина. Глубокий вдох... Вот

так, хорошо...»

Она опустилась на грубый деревянный стул и перевела дух.

«Нужно все обдумать. Похоже, в сотовой жизни у меня появилась особая способность – слышать „голоса чужих сердец“. Когда я не хочу их слышать, достаточно пожелать – и голоса смолкают. Значит, этой силой можно управлять».

А еще этот дар раскрыл для Альфины важную истину. Раньше она думала, что ее слова остаются без внимания потому, что ей никто не верит – но в глубине души, как казалось, все считали ее невиновной. Этому бы порадоваться, однако растерянность перевешивала: если окружающие знали правду, почему же Альфину казнили?

Помимо этого, было здесь и кое-что еще:

«Я прямо-таки полна сил!»

Проснувшись, девушка обнаружила, что чувствует себя на редкость бодро. За девяносто девять жизней она ни разу не болела, но в этой жизни ее переполняла небывалая энергия. И не только энергия – магическая сила струилась внутри с непривычной мощью. Магия всегда давалась Альфине хуже, чем физические упражнения, но теперь казалось, что она способна с легкостью справляться даже со сложными заклинаниями.

«Можно ли как-то это проверить?.. Вряд ли стоит в тесной комнатухе швыряться огненными шарами или вызывать ураганы».

Опасные мысли мелькали в голове, когда краем глаза она заметила маленькую тень. Это был белый кот, обитатель башни. Несмотря на бродячую жизнь, шерсть у него лоснилась, тело было гибким, а глаза – алыми, словно рубины. Возможно, когда-то он принадлежал какому-нибудь вельможе. Кот неизменно появлялся, стоило Альфине оказаться в заточении, и она успела к нему привыкнуть. Однако вдруг...

«Похоже, вы пробудили свою *силу*, госпожа Альфина», – прозвучал голос, хотя кот лишь мяукнул:

– Ня.

Девушка не поверила своим ушам. Она оглядела комнату, но, кроме нее и кота, здесь никого не было. Стражники дежурили этажом ниже и не поднимались без надобности.

«Не стоит так удивляться. Разве вы не слышали множества людских *голосов* по пути сюда?»

Белый кот подошел ближе, и Альфина внимательно посмотрела на него.

«Зови меня Хииро», – продолжил он спокойным голосом, который звучал прямо в сознании.

Сверкнув алыми глазами, словно рубинами, Хииро начал свой рассказ.

* * *

– Я *фамилляр*, созданный вашей бабушкой, госпожой Юринар.

– Моей бабушкой?! Теперь понятно... Юринар Фин Сильвана.

Ее бабушка, ушедшая из жизни, когда Альфине было десять, служила придворным магом империи. Она славились мастерством в наложении чар и подчиняла себе множество животных и растений в качестве фамильяров. Ее считали величайшим магом империи. Даже теперь, закрывая глаза, Альфина видела добрую улыбку бабушки, жившей в скромном домике в лесу и окруженной цветами и зверями. Несмотря на высокий пост, она никогда не кичилась этим и была бесконечно ласкова к озорной Альфине. Для девочки, вечно получавшей нагоняи от матери, эта доброта была бесценна.

– Если ты фамильяр моей бабушки, это объясняет твою необычную силу. Может, ты знаешь и о том, что я прожила сто жизней?

– Сто жизней? – переспросил Хииро, и его лоснящийся хвост резко встал торчком. – На вас наложена магия цикла, госпожа Альфина. Она сбрасывает при несправедливой смерти, возвращая время к определенному моменту. Но... сто раз – это поразительно.

– Так уж поразительно?

– Да. Даже Юринар, наложившая эту магию, вряд ли предполагала сто повторений. Пережить сто насильственных смертей... Обычному человеку это давно бы сломило дух. Вам, верно, было тяжело.

«Так вот оно что... Но, если подумать, возвращаться снова и снова к самым ярким годам юности не так уж плохо».

– Юринар наложила магию цикла ради вас, своей любимой внучки. Это не просто повторение. С каждым новым циклом ваша сила растет. После ста циклов в вас, госпожа Альфина, должно быть, пробудилась невероятная мощь. Я ждал, когда это случится, – пояснил Хииро.

– Похоже на то...

«Магия чтения сердец позволяет слышать сокровенные мысли других. Кажется, в старом бабушкином гримуаре я читала об этом. Но кто бы мог подумать, что я сама обрету этот дар?»

– Бабушка предвидела это?

– Смутно, – признался Хииро. – Юринар часто говорила мне, что, сколько бы она ни гадала, путь госпожи Альфины скрыт за ослепительным светом.

– Этот свет – Святая Дэбонэя, верно?

Хвост Хииро качнулся, словно в знак согласия.

– Эта Святая злоупотребляет магией света, – продолжил он. – Она использует ее, чтобы контролировать действия других людей.

– То есть она может заставлять их действовать против воли?

– Именно так, – подтвердил Хииро. – Когда Святая Дэбонэя явилась к императору, она наложила древнюю магию принуждения на всех присутствующих: от принцев и вель-

мож до стражников. Это запретное заклинание, подчиняющее чужую волю. Император и его двор превратились в ее марионеток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.